

Левина Элла Михайловна

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫМ ТОПОНИМ?

В статье исследуются прецедентные топонимы, которые понимаются автором как широко известные онимы, используемые в тексте не столько для обозначения конкретного объекта (страны, города, городских объектов и др.), сколько в качестве культурного знака, символа определенных исторических событий, судеб и т.п. Автор обосновывает положение о том, что топонимы способны метонимически обозначать некие события, людей, эпохи, моменты времени и др., и в этом случае прецедентность выступает как результат метонимического переноса, что позволяет говорить о метонимическом характере прецедентности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 115-119. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Водясова Л. П., Жиндеева Е. А.** Способы представления авторского сознания как коммуникативная стратегия художественного творчества // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50). Ч. 3. С. 44-46.
4. **Мифологический словарь** / сост. М. Н. Ботвинник, Б. М. Коган, М. Б. Рабинович, Б. П. Селецкий. Изд-е 5-е, перераб. и доп. М.: Просвещение, 1993. 192 с.
5. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Изд-е 4-е, доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. 944 с.
6. **Петкова Г. Т.** Поэтика лирического цикла в творчестве Марины Цветаевой: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1994. 24 с.
7. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. I. А-Д. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. Изд-е 2-е, стер. 576 с.
8. **Цветаева М.** Неизданное. Сводные тетради / подг. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко. М.: Эллис Лак, 1997. 640 с.
9. **Цветаева М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. / сост., подг. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. Стихотворения. 640 с.
10. **Цветаева М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. / сост., подг. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2. Стихотворения. Переводы. 592 с.
11. **Цветаева М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. / вступ. ст. А. Саакянц; сост., подг. текста и коммент. Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. Письма. 800 с.
12. **Цветаева М.** Стихотворения и поэмы: в 5-ти т. / сост. и подг. текста А. Сумеркина и В. Швейцер. N. Y.: Russica Publishers; INC, 1982. Т. 2. Стихотворения 1917-1922 гг. 419 с.

**THE TITLE OF A POETIC CYCLE: EXPERIENCE OF COGNITIVE-DISCURSIVE ANALYSIS
(BY THE MATERIAL OF M. I. TSVETAEVA'S LYRICS)**

Kur'yanovich Anna Vladimirovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Blagov Vladimir Vasil'evich
Tomsk State Pedagogical University
kurjanovich.anna@rambler.ru; vblagoff@yandex.ru

The article discusses the place and role of a poetical cycle's title in the representation of an author's worldview and its interpretation by the reader within the framework of the secondary textual activity. The paper justifies the thesis on discursive determinance of a cycle's title choice and its further interpretation, i.e. the necessity to examine considering a set of extra-linguistic factors: thematic and situational context, author's intention, orientation to a specific addressee, specifics of genre form. M. I. Tsvetaeva's poetical cycles serve as the material for research.

Key words and phrases: poetical cycle; poetical cycle's title; discourse-formative factor; worldview; biographical context.

УДК 811.161.1'373.21

В статье исследуются прецедентные топонимы, которые понимаются автором как широко известные онимы, используемые в тексте не столько для обозначения конкретного объекта (страны, города, городских объектов и др.), сколько в качестве культурного знака, символа определенных исторических событий, судеб и т.п. Автор обосновывает положение о том, что топонимы способны метонимически обозначать некие события, людей, эпохи, моменты времени и др., и в этом случае прецедентность выступает как результат метонимического переноса, что позволяет говорить о метонимическом характере прецедентности.

Ключевые слова и фразы: прецедентность; прецедентное высказывание; прецедентный топоним; прецедентная ситуация; метонимическое использование топонима.

Левина Элла Михайловна, к. филол. н.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
elevina@rambler.ru

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫМ ТОПОНИМ?

В последние годы количество прецедентных имен, используемых в художественной речи, стремительно расширяется, растет и частотность их использования [6; 10; 16].

Основным положением для настоящей статьи является возможность применить идеи прецедентности, основанной на концепции прецедентных текстов Ю. Н. Караулова, для топонимических исследований. По определению Ю. Н. Караулова, к прецедентным текстам относятся «...тексты, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [9, с. 216].

Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, исторических событий, судеб.

В когнитивной базе носителя языка хранится прецедентное имя и то, что за ним стоит, совокупность дифференциальных признаков и атрибутов. Любое прецедентное имя имеет определенную структуру: ядро инварианта составляют дифференциальные признаки, которые определяют специфические признаки данного имени, периферию – атрибуты [10]. Полный и точный (закрытый) перечень компонентов, составляющих дифференциальные признаки того или много имени, обозначить невозможно.

Для прецедентного топонима дифференциальные признаки могут быть представлены такими характеристиками, как *масштабы географического объекта, значимость, особенности создания*, атрибуты прецедентного имени – это «элементы, тесно связанные с означаемым прецедентного имени, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации» [Там же, с. 89].

Семантическая структура прецедентного имени определяет особенности его использования. При рассмотрении специфики конкретных словоупотреблений Д. Б. Гудков разграничил денотативное (интенциональное) и коннотативное (экстенциональное) употребление прецедентного имени [6, с. 154].

Таким образом, прецедентные имена, являясь, с одной стороны, частью когнитивной базы, с другой – относятся к классу имен собственных.

Топонимы способны употребляться в переносном смысле, и метонимический перенос их значений осуществляется аналогично тем же явлениям в системе апеллятивной лексики. **Прецедентность** выступает как результат метонимии, что позволяет говорить о метонимическом характере прецедентности. Н. Д. Арутюнова рассматривает метонимию как «троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлечённости в одну ситуацию» [2, с. 300]. Основой метонимии могут служить пространственные, событийные, понятийные, синтагматические и логические отношения между различными категориями, принадлежащими действительности, и её отражению в человеческом сознании, между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, событиями, местом, временем и т.п.

Современные исследователи выделяют следующие основные типы метонимического употребления топонимов: *место – место; место – национальность; место – учреждение; место – люди; место – человек; место – изделие; антономазия* [15].

Подобные метонимические переносы значений в области топонимии позволяют проводить исторические параллели, а также выступать символом определенного исторического периода (*место – событие*) [13]. Так, в России величайшие национальные идеи издавна образно представлялись афористическими высказываниями, формулами с использованием прецедентных феноменов. Возможно, первой по времени из подобных формул было определение *Москвы* как *Третьего Рима*, ср. в современном поэтическом тексте:

*Рим в России –
виденье святое,
Злых и добрых времен пересуд,
Рим в России – Москва* [18, с. 40]...

Идея *Москвы* как *третьего Рима* имела глубокое историческое основание: *Россия* – хранительница христианской православной веры в связи с падением второго Рима – Константинополя. Прецедентные топонимы при этом связаны и с прецедентной ситуацией, и с прецедентным высказыванием. *Москва* метонимически соотносится с ключевыми локусами христианской веры, с Римом, разворачивая прецедентную ситуацию (*часть от целого – синекдоха как вид метонимии*).

Аналогичное явление наблюдаем и в отношении новых для нашей этнокультуры прецедентных топонимов. В частности, *Афганистан и Чечня* в сознании лингвокультурного сообщества – «горячие точки», а потому при восприятии поэтических строк, содержащих указанные топонимы, через прецедентную ситуацию актуализируются фоновые знания адресата о боевых действиях в *Афганистане* и *Чеченской республике*:

*Амулет береженья,
Талисман на Руси.
Сын пройдет с ним все БАМы.
И Афган, и Чечню* [Там же, с. 52]...

В следующую группу исследователи включают получившие широкую известность топонимы, использующиеся для образного обозначения иных населенных пунктов. Основанием для прецедентности здесь становится сопоставление наиболее ярких характеристик географического объекта – размера, расположения, экономической составляющей и т.д. (*Вифлеем, Еришалаим* как часть библейской истории, *Санкт-Петербург, Москва, Париж, Венеция, Карабах* и др.).

Характерным для дискурса русского поэтического текста является дифференциация вариантов прецедентных имен. Так, прецедентное имя *Санкт-Петербург* реализует ряд номинативных вариаций, актуализируя в коммуникативном сознании различные фоновые знания:

- «исторические эпохи» (*Ленинград, Петроград, Петрополь, Санкт-Петербург*);
- «двойственное восприятие города» (*чудный град, город мглы и тоски*);
- «создатель города» (*град Петров, город Петра, град великого Петра, Петра творенье*);
- отождествление семантики имени с семантикой иных топонимов (аллюзии) (*Северный Версаль, Северная Пальмира, русские Афины*);

– «центр притяжения творческого и научного потенциала России, создания шедевров мирового искусства, свершения научных открытий, мозг всей России» (*Пушкина город и Достоевского, всех градов царица*);
 – «вторая столица» (*младшая столица, военная столица, Невская столица, Северная столица*).

Не вызывает сомнения прецедентность топонимов *Содом и Гоморра*, упомянутых впервые в Ветхом Завете, где инвариантной ядерной частью прецедентного имени является значение «грех и распутство».

Метафорическое использование топонима *Чернобыль* актуализирует знание таких реалий, как «техногенная катастрофа», «взрыв», «трагедия» и «последствия аварии»:

*А смертоносность вновь обогнала роддом,
 Змея Чернобыля по области незримо
 Все ползает... Гоморра и Содом* [Там же, с. 85]...

Функционирование в сравнительно небольшом тексте тополекем, «прославившихся» в разные эпохи и в различных исторических условиях, позволяет провести межтекстовые параллели, связывающие воедино столь отдаленные друг от друга события.

Одним из критериев определения прецедентности, как справедливо считает Е. А. Нахимова [13], является синонимический критерий, который, как мы полагаем, является факультативным признаком (представление имен собственных как однотипных по семантике, образование контекстуальных синонимов).

Так, событийные контексты, стоящие за номинациями *земля Куликова и Бородино*, известны всему народу. Если определять инвариантную ядерную часть, то это – «победа, мужество, героизм», «бой, битва». Прецедентность таких топонимов, которые воспеты поэтами, художниками, музыкантами, бесспорна:

*Здесь земля дымилась рекою
 И стала по праву равна
 Победной земле Куликова
 И мужеству Бородина* [18, с. 254].

Автор упоминает прецедентные топонимы, повествуя о Прохоровском сражении, поскольку в русском сознании Куликовская битва, Бородинское сражение, битва под Прохоровкой – равные по своей исторической и культурной значимости события.

Отличительной особенностью функционирования прецедентных имен является их способность употребляться в качестве символа, культурного знака. В этом случае при использовании происходит обращение к дифференциальным признакам этого имени, составляющим ядро инварианта восприятия прецедентного имени. При таком функционировании прецедентного имени не требуются какие-либо комментарии или расшифровка, как самого имени, так и ситуации или текста, признак отделяется от своего референта, сам культурный знак оказывается самодостаточным, чтобы выразить гораздо большее, чем очевидное значение знака.

Традиционно в русской поэзии (строки белгородских авторов не исключение) используется ряд прецедентных имен, важных для русского ментального сознания. Речь идет о ключевых понятиях культуры. В их числе топонимы, восходящие к библейским легендам, мифам античности (*Иерусалим, Арарат, Назарет, Вифлеем, пещера Рождества*). Это величайшие культурные символы:

*Поговори со стеной,
 но не там, где шумит Ершалаим,
 где усмиряется плач
 и становится легче от слез* [19, с. 8].

В основе имени *Ершалаим (Иерусалим)* лежит тот же корень, от которого происходит ивритское слово «мир». Номинация стала объектом таких этимологизаций, как «Город мира», «Обиталище мира», «Основанный в безопасности» или, как вариант у некоторых христианских авторов, «Видение Мира». *Иерусалим* в сознании мирового лингвокультурного сообщества – главный священный город христиан, центр христианского богослужения. Автор обращается к стене, которая ассоциативно связана с Иерусалимской стеной плача и со стеной, к которой обращается лирический герой стихотворения И. Бродского «Письма к стене»: «...Обращаюсь к стене, в темноте напряженно дыша...» [3, с. 21]. Перед нами – прецедентное высказывание. В то же время в данном случае прецедентность топонима находит свое обоснование и в ассоциативной связи с Ершалаимом как местом действия одной из сюжетных линий романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (не случайно автор использует не общеизвестное наименование города *Иерусалим*, а булгаковский *Ершалаим*) [4, с. 19-364].

В стихотворениях Н. Дроздовой упоминается другой, связанный с библейской историей топоним:

Птица счастья не знает, где земля Арарат [8, с. 147];
*Арарат. В развалинах окраин
 Брежжит утро новое. Аминь* [Там же, с. 168]!

Структура прецедентного имени *Арарат* содержит инвариантную ядерную часть «священное место», «колыбель человечества», именно здесь, на склоне *Арарата*, Ной построил алтарь и посадил первый виноградник. В мифологии и в художественной речи существует целый ряд мифов, содержащих описание горы *Арарат*. Известный художник-маринист Иван Айвазовский писал гору *Арарат* не менее десяти раз.

И строки Н. Дроздовой посредством этого прецедентного топонима отражают православную ментальность автора (*место – вера*).

Использование определений, подчеркивающих нетрадиционность смысла определяемого имени, является одним из типичных признаков прецедентности топонима в тексте (*атрибутивный критерий прецедентности*), ср.:

...Память прячет себя по укромным расщелинам,
как пещерную тайну – седой Вифлеем [19, с. 34]...

В коммуникативном сознании **Вифлеем** – «древний город», «место рождения царя Давида и Иисуса Христа». Определение *седой* подчеркивает древность, значимость, величайшую мудрость этого города. «В Вифлееме, в подземном приделе, Храм Рождества, блещет среди мраморного пола, неровного от времени, большая серебряная звезда» [5, с. 583].

В поэтическом тексте акцент сделан на тайне, которую прятал некогда этот город – тайное место рождения младенца Христа, именно этот культурный смысл реализует в данном случае прецедентный топоним.

В целом, прецедентные топонимы соотносятся со временем и эпохой значимых для человечества событий (отражение философских категорий времени и пространства), переломных исторических моментов, в том числе уже опосредованных при помощи других культурных текстов и т.п. Так, например представления, стоящие за фраземой **бандитский Петербург**, в сознании русского лингвокультурного сообщества – это события известного телесериала (*место – событие*), что подчеркивается автором текста-реципиента лексическими средствами:

И не предвидит кинодраматург,
что где-нибудь за Невскою заставой
появится «бандитский Петербург» [20].

К следующей группе прецедентных имен относят такие единицы, которые используются для обозначения важного события при помощи указания на микротопоним, где таковые события имели место [8].

В текстах белгородских поэтов находим немало таких прецедентных топонимов (**Невский проспект**, **Сенная площадь**, **Красная площадь**, **Кремль**, **Храм Воскресения Христова (Спас на крови)**, **Арбат** и др.).

Храм Воскресения Христова (Спас на крови) как историческое событие, связанное с покушением и ранением Александра II, выступает культурологически значимым образом еще дореволюционной России, соотносимым с её могуществом, православной культурой и др.: «Мечтаю снять леса со **Спаса на Крови**...» [21]; «...И **Спас на Крови** за лесами скрывает величие [20]...», Храм Воскресения стоял до конца XX века в строительных лесах (реставрация храма длилась очень долго). Строки отражают прецедентную ситуацию, **метонимически** обозначая события, которые происходили в конце XX века (*место – событие*).

Сенная площадь в представлении русского образованного лингвокультурного сообщества место очень необычное. Именно на **Сенной** Некрасов увидел, как «...били женицину кнутом // Крестьянку молодую» [14, с. 35], Раскольников на **Сенной** решается на преступление и здесь же принародно кается [7], у Крестовского в «**Петербургских труппах**» **Сенная площадь** – одно из полноправных действующих лиц [11]. **Сенная площадь** – площадь в центре Санкт-Петербурга, где всегдалюдно, здесь пересекаются три линии метрополитена, маршруты трамваев и автобусов. По аналогии с «чревом Парижа» её называют «чревом Петербурга»: «...и поверни, и дальше – по **Сенной**, и через мост – и к дому на Фонтанке...» [20]. Поэтические строки отражают реальные события жизни автора, некоторое время проживавшего в доме за Сенной, на Фонтанке (*место – событие*).

Подытоживая наш анализ, можем утверждать вслед за другими исследователями, что система прецедентных феноменов – это один из инструментов трансляции «культурной памяти» народа от одного поколения к другому. При этом понимание и восприятие прецедентных онимов зависят от фоновых знаний читателя, поскольку с «процессом восприятия текста происходит процесс узнавания носителя прецедентного имени, сведения о котором хранятся в когнитивной базе читающего» [1, с. 80].

В качестве признаков прецедентных онимов и аргументов самого факта их прецедентности мы полагаем значимыми следующие параметры:

- 1) регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен в текстах, связанность соответствующих имен с классическими произведениями;
- 2) общеизвестность соответствующих феноменов или хотя бы их известность большинству членов лингвистического сообщества [6; 16];
- 3) прецедентные имена как единицы языка и речи выступают репрезентантами прецедентных концептов – ментально-вербальных единиц, которые используются для представления, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов; прецедентное имя – это всегда имя культурного концепта;
- 4) неденотативное использование того или иного имени в функции культурного знака, связь с известной ситуацией (прецедентная ситуация);
- 5) связь с метонимией: топонимы способны **метонимически** обозначать некие события, людей, эпохи, время и др., в этом случае прецедентность выступает как результат метонимического переноса, что, в свою очередь, позволяет говорить о метонимическом характере прецедентности.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф., Чумак-Жунь И. И. Методология и методы современной лингвистики: учебное пособие / под общ. ред. Н. Ф. Алефиренко. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. 104 с.
2. Арутюнова Н. Д. Метонимия // Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд-е 2-е. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

3. **Бродский И. А.** Сочинения (Сочинения Иосифа Бродского): в 8-ми т. / общ. ред. Я. А. Гордина; сост. Г. Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 2. 440 с.
4. **Булгаков М. А.** Мастер и Маргарита: Роман; Собачье сердце: Повесть. М.: Литература, Мир книги, 2006. 480 с.
5. **Бунин И. А.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 3. 671 с.
6. **Гудков Д. Б.** Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
7. **Достоевский Ф. М.** Собрание сочинений: в 15-ти т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. 576 с.
8. **Дроздова Н. В.** День пленэра: стихотворения. Белгород: Константа, 2014. 176 с.
9. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
10. **Красных В. В.** Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
11. **Крестовский В. В.** Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных: роман: в 6-ти ч.: в 2-х т. М.: Правда, 1990. Т. 1. Ч. 1-4. 736 с.; Т. 2. Ч. 4-6. 768 с.
12. **Кушнерук С. Л.** Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. Т. 13. С. 146-155.
13. **Нахимова Е. А.** Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург: УрГПУ, 2007. 207 с.
14. **Некрасов Н. А.** Стихотворения. Кому на Руси жить хорошо. Изд-е 6-е. М.: Детская лит-ра, 1977. 287 с.
15. **Перкас С. В.** Парадигматические и синтагматические аспекты лингвистического потенциала топонимов в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1980. 16 с.
16. **Слышкин Г. Г.** Прецедентный текст: структура концепта и способы апелляции к нему // Проблемы речевой коммуникации: сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2000. С. 62-68.
17. **Харченко В. К.** На звенящих каналах усердия и милосердия. Стихи. Заметки о стихосложении. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. 144 с.
18. **Чернухин И. А.** Город надежды: книга стихов. Белгород: ОАО «Белгородская областная типография», 2006. 320 с.
19. **Яснова Л.** Зеркала. Новокузнецк: Союз писателей, 2015. 96 с.
20. <http://www.stihi.ru/avtor/fotos> (дата обращения: 15.11.2015).
21. <http://www.rozenbaum.ru/#!/poetr> (дата обращения: 15.11.2015).

CAN A TOPONYM BE PRECEDENT?

Levina Ella Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Belgorod State National Research University
elevina@rambler.ru

The article examines precedent toponyms which are interpreted as the widely known onyms used in the text not so much to designate the specific object (country, city, urban objects, etc.) but as a cultural sign, symbol of the certain historical events, destinies, etc. The author argues for the thesis that toponyms can metonymically designate the certain events, people, epochs, time periods, etc. and in this case the precedentness comes out as a result of metonymical transfer which allows postulating the metonymical nature of precedentness.

Key words and phrases: precedentness; precedent statement; precedent toponym; precedent situation; metonymical use of a toponym.

УДК 81.1

В статье рассматриваются некоторые аспекты соотношения между текстом оригинала и текстом перевода через призму нарушения межъязыковой нормы. Межъязыковая норма определяется как совокупность правил для определения соответствий между единицами исходного и переводящего языков, существенную для данного текста с учетом норм литературного языка и в соответствии с функциональным стилем. Основное внимание в статье уделено анализу примеров нарушения межъязыковой нормы на уровне лексики, грамматики и стилистики.

Ключевые слова и фразы: межъязыковая норма; межъязыковая вариативность; инвариант; лексико-семантическая сочетаемость; грамматическая сочетаемость; речевые ошибки; языковые ошибки; нарушение межъязыковой нормы.

Лекомцева Ирина Алексеевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
rainbow5@mail.ru

НАРУШЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Размышления о переводе начинаются, как правило, с характеристики отношений между двумя объектами: оригиналом и переводом [5, с. 50]. Одним из инструментов определения такого рода отношения являются правила межъязыковой нормы. В теории перевода межъязыковая норма определена как совокупность правил для определения соответствий между единицами исходного и переводящего языков, существенную для данного текста [1, с. 78]. Межъязыковая норма устанавливает границы межъязыковой вариативности на уровне лексики, грамматики, стилистики и текста. Отметим, что набор правил не является строго ограниченным: при переводе необходимо передать инвариантную информацию, а в каждом языке существует